

Специфика исторических романов заключается в том, что здесь не может быть спойлеров – каждый желающий может взять в руки соответствующую историческую монографию и выяснить, как оно там случилось на самом деле, как продолжалось и “чем сердце успокоилось”. Задача исторического романиста всегда состоит в ином – интересно рассказать об уже известных событиях, в чём-то даже загипнотизировать читателя, заставить его забыть, что исход книги ему давно известен по действительной истории.

Писатель и историк Дмитрий Михайлович Володихин среди специалистов по средневековой Руси известен своими монографиями по XVI веку (хотя у него есть интересные работы и по веку предшествующему, и по столетию последующему (например, биография царя Фёдора Алексеевича). Даже странно, что он давным-давно не попытался “конвертировать” обширные профессиональные знания об эпохе в чисто художественный текст. Видимо, мешала чрезмерная ответственность: с одной стороны, можно увлечься желанием высказать всё, что знаешь, и предложить публике вместо художественного произведения нудный беллетризованный псевдосправочник. С другой – столь же легко скатиться в излишнюю модернизацию и легкомыслие, превратив серьёзный рассказ о трагической эпохе в водевиль с картонными персонажами, выражающимися если не на современном сленге, то на чём-то, к нему крайне близком. Слава Богу, в своём тексте Д. М. Володихин удачно избежал двух этих угроз, сделав книгу одновременно и художественно завораживающей, и научно достоверной.

Создатель романа “Смертная чаша” представил культуру и обыденность средневековой Руси XVI века постигаемой для современного читателя. Да, для этого всё равно требуется определённое усилие, существует “порог вхождения”, но заслуга автора заключается в том, что этот “порог” он повышал постепенно. Обширная экспозиция, к которой фактически сводится вся первая часть романа (“Тишина”), необходима для перехода к основным моментам повествования, когда исторический роман в узком смысле слова превращается у Володихина в “историческую панораму”. Читателям нужно было привыкнуть к главным героям, к особенностям их поведения, пронизанным совсем иными ценностными основами, даже

к специфической манере выражать мысли. Когда это перестаёшь замечать, книга резко набирает обороты и стремительно движется к кульминации — к битве при Молодях, произошедшей в 1572 году. Не случайно первая часть не имеет чёткой хронологической привязки, тогда как уже со второй чётко отмечены границы времени, в рамках которого разворачиваются события: часть 2 — “Нашествие. Апрель–май 1571”; часть 3 — “На пепле. Осень 1571”; часть 4 — “Защита. Апрель–август 1572”.

Книга повествует об очень сложной для понимания эпохе и об очень трагическом эпизоде внутри этого периода. Бесконечно тянется тяжёлая Ливонская война, где громкие победы русских чередуются с унижительными поражениями. Параллельно с действиями польских и литовских войск ведут свою войну против нашего отечества и крымские татары. На долю их хана Девлет Гирея в ходе боевых действий выпала самая большая военная удача — в мае 1571 года ему удалось взять и сжечь Москву. И эта катастрофа стала одним из важнейших исторических моментов, описанных в романе “Смертная чаша”.

Однако центральным эпизодом книги всё же оказались не разгром и поражение, а настоящая и полноценная победа. Впрочем, трагических эпизодов, неизбежных при любом пролитии крови, Д. М. Володихин, повествуя о битве при Молодях, не скрывает. Но подробное и развёрнутое описание боевых схваток заставляет испытать гордость за ратный подвиг наших предков. Воеводы М. И. Воротынский и Д. И. Хворостинин (главный герой романа “Смертная чаша”) до такой степени сокрушили орду Девлет Гирея, что это почти привело к военному краху крымской державы. Не зря современные исследователи отмечают, что битва при Молодях имела “геополитическое значение”. Основа для дальнейшего продвижения русской экспансии на юг, в Черноземье, была заложена именно здесь, на кровавом поле всего в пятидесяти верстах от Москвы.

Но в романе Володихин не просто следует за средневековыми русскими книжниками, излагая перипетии сражения. Он, пользуясь своими навыками историка-профессионала, делает ход событий понятным для нашего современника, при этом нисколько ни греша против исторической истины.

Композиционно роман выглядит вроде бы простым и неравновесным: две части сравнимого объёма, более короткая третья и четвёртая, равная по количеству страниц трём предыдущим. Тем не менее, подобное разделение не выглядит неорганичным, учитывая внутреннюю сложность текста, где в повествование вплетены и ретроспекции (“Падение града Казанского”), и даже тексты-сказы, ранее вообще издававшиеся в качестве отдельных литературных произведений (“Буян-остров”). Неожиданным и перебивки в повествовательной тональности: например, в эпизодах, где в центре изложения событий оказывается сам государь Иван Васильевич Грозный. А эпизоды, где главным героем выступает немец-опричник Генрих Штаден, вообще ведутся от второго лица (на “ты”), чтобы столь сложным образом подчеркнуть его чуждость органичной жизни Московской Руси XVI века.

Удача ли этот роман Дмитрия Володихина? С точки зрения художественной — безусловно. Но вот с позиций исторического просвещения хотелось бы, чтобы автор уже сейчас подумал о его продолжении (и предварении), о создании целого цикла текстов о XVI веке.

Это сложно? Конечно же! Тяжело? А кто сомневается? Но, кроме Володихина, равноценно сочетающего в своём творчестве талант писателя и историка, вряд ли кто-нибудь ещё из современных прозаиков может решить столь огромную проблему — создать целостный образ Московской Руси второй половины XVI века.

Понимаю, что мои пожелания выглядят маниловщиной и “советами постороннего”. Но если бы автору “Смертной чаши” удалось реализовать столь масштабный и амбициозный замысел, то влияние такого цикла романов на современное массовое сознание, при удачном раскладе событий, могло бы быть не меньшим, чем эффект от исторической трилогии Г. Сенкевича в XIX веке. Не секрет, что для польских читателей того времени “Огнём и мечом”, “Потоп” и “Пан Володыевский” словно бы заново открыли героическую эпоху в судьбе их отечества, заставили гордиться свершениями предков и сокрушаться об их поражениях. Но самое главное — эти книги

порождали чувство единой и не прекратившейся, несмотря на все катаклизмы, истории и надежду на возрождение страны. В наше время мы, русские, в неменьшей степени нуждаемся в такого рода книгах.

Поэтому вряд ли был нужен в конце “Смертной чаши” двухстраничный текст “Дальнейшая судьба персонажей романа”. Он выглядит тихой капитуляцией перед самой идеей масштабного развития взятой Д. М. Володихиным исторической темы. Впрочем, если рассматривать эту мини-главку не так пессимистично, а в качестве конспекта будущих повествований, то она окажется даже многообещающей.

Пожелаем же автору справиться с чувством подсознательной неуверенности перед величиной возможного замысла и понадеемся на обширное продолжение романа в виде целой эпопеи.